

ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ УТОПИИ

Т.Г. Шагула

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»

tamara@yandex.ru

В статье рассматривается трансформация понятия утопии в современном утопическом дискурсе. В каких социальных формах выражается сегодняшняя потребность в утопических идеях?

Ключевые слова: социальный идеал, утопия, утопическое общество, прогресс, экология.

Как воспринимается сегодня смысл слова «утопия», что мы стремимся им обозначать? Многие «сложные» слова получают семантические модификации – обычный процесс в живом и динамическом языке. Изначальная их суть постепенно расходуется по различным контекстам, и в том из них, который связан с повседневным употреблением, слово по мере все более частых (и порой спорадических) повторов утрачивает свою семантическую цельность.

Ассоциации с утопией ныне таковы, что мы характеризуем так мечтания и фантазии, сразу же отодвигающиеся в нашем сознании в категорию чисто умозрительных, не связанных с реальной жизнью вещей. Это проекты и предложения, которые по тем или иным причинам кажутся невыполнимыми, т. е. содержательно пустыми, в отсутствие очевидного инструментария (как материального, так и ценностного) для их осуществления. Можно упомянуть и употребление понятия утопии в качестве эпитета по отношению к уникальным живописным, «эдемским» уголкам нашей планеты, обретающим известность вследствие интенсивного развития путей сообщения и информационно-визуальных каналов; в этом случае совершается своеобразный акт рекурсии – ассоциативного возвращения к библейскому началу, к истокам челове-

ства, выпешего в город из ограниченномифотворческих природных условий. Это архетипический символ, продуцирующий безотчетные попытки психосоциального обновления.

Эти актуализованно-содержательные ответвления понятия показывают, сколь далеко с течением времени и сменой эпох утопия отходит от своего изначального значения, которое нужно напомнить, возникло в одноименной «забавной книжке» Т. Мора¹ и конкретно в ней являлось «местом, которого нет», Нигдеей² (или не являлось каким-либо местом, лингвистическая гибкость неологизма допускала почти каламбурные трактовки). Затем объем понятия начал расширяться и охватывать и другие вымышленные «усовершенствованные» топосы и общества авторов эпохи Возрождения (Атлантида, Икартия, Океания, Христианополис, Город Солнца); кроме того, задним числом в утопию стали входить проекты идеальных обществ, созданных

¹ Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия / пер. с лат. А. Маленна, Ф. Петровского // Утопический роман XVI–XVII веков. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 41.

² Осинковский И.Н. Томас Мор и его Утопия. Вступительная статья // Т. Мор. Утопия / пер. с лат. Ю.М. Кагана. – М.: Наука, 1978. – С. 12.

гораздо ранее, даже в очень далекие античные времена.

Утопии опережали свое время и казались современникам химерами, но именно в них были впервые поставлены вопросы равенства полов, страховой медицины, социального обеспечения, смешанного обучения, сокращения рабочего времени, в них же впервые было сформулировано понятие досуга³.

Сейчас же, констатирует английский социолог З. Бауман, утопия в идеях глобализирующегося мира превращается в конфликт терминов⁴. Спектр ее значений ныне варьируется и способен включать в себя как любое дело или намерение, которое объявляется невозможным к выполнению (вне зависимости от сферы), так и – это интересно вновь отметить – действительно существующие природные уголки, не затронутые индустриальной машиной.

Приведенные семантически-переходные интерпретации утопического понятия коррелируют с тем, какие новые направления в своем развитии открывала утопия по мере того, как раздвигались мыслимые границы утопического феномена. Трансформациям подвергается само слово «утопия» – дистопия, практопия, экотопия, полиутопия. «Скорлупа», образованная с помощью корневого «топос», остается нетронутой, «ядро» же, образуемое смыслогенерирующими приставками, меняется. Таким образом, сохраняется преемственность в понимании утопии и ее модификаций – на уровне практического применения – как обособленного места со специально установленным порядком, но изменяется ценностное

³ Аннса Ф. Реконструкция утопии: эссе / предисл. Ф. Майора; пер. с франц. Е. Гречаной, И. Стаф. – М.: Наследие, 1999. – С. 67.

⁴ Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. – 2008. – № 3. – С. 64.

и вещное наполнение (в зависимости от подключения новых факторов).

В середине XX века прозвучало немало рекемиемов по утопии (к примеру, клишевое название «Конец утопии» употребляется в работах Г. Маркузе или Р. Джейкоби), а бразильский поэт Аролду ди Кампуш в своем докладе «Поэзия и современность», прочитанном в августе 1984 г. в рамках празднования семидесятилетия со дня рождения Октавио Паса, задавался вопросом, не следует ли вместо термина «пост-современность» употреблять термин «пост-утопия». В наше кризисное время, когда смешалось все и вся, отмечал Кампуш, мы не можем не констатировать, что авангард выдохся, а утопия завершилась; однако это ни в коей мере не означает конца современной эпохи⁵.

Мы полагаем более справедливым не хоронить утопию только от того, что ее морфологический облик и содержание меняются, однако, безусловно, можно согласиться с тем, что меняются они радикально – в сторону так называемой «текучей» современности (по терминологии З. Баумана).

Эта текучесть и энтропийное развитие информационного общества влияют на степень объективации исторически формирующихся утопических моделей и подводят тем самым обоснование и под такую специфическую, в чем-то даже оптимистическую точку зрения, что мы в определенном смысле уже живем в утопии. Поскольку технологические и глобализационные реалии сегодняшнего мира таковы, что предоставляют, несомненно, огромное количество возможностей устроить свою жизнь, то вероятность стать по-своему счастливым, найти собственный маршрут

⁵ Аннса Ф. Указ. соч. – С. 171.

в персональную утопию есть у каждого (впрочем, теоретически такая вероятность всегда была экзистенциально неотъемлема). Такое «прогрессистское» толкование разделяет, например, Чарльз Эразмус: «...я прошу читателя спросить себя, какое еще большое общество так близко подошло к “утопии”, как то, в котором нам посчастливилось жить»⁶, – и поэтому сегодняшний мир «утопичен» как никогда и, с технологических позиций, движется только вперед, по вектору усовершенствования, а значит, и улучшения.

Подобное прагматическое понимание переключается с концепцией современного постиндустриального мира как совершающейся утопии, формулу которой вывел Элвин Тоффлер, – это реалистическая утопия, «не лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем»⁷. Что мир еще век назад стремительно двигался по верхней спирали развития, констатировал китайский мыслитель и философ Кан Ю-вэй: «И вообще образ жизни человечества в начале XX в. превосходил все, доселе существовавшее»⁸.

Это в общем и целом довольно свободная интерпретация, на первый взгляд почти не имеющая соприкосновения с традиционной линией утопической мысли. Однако, если обратиться к тому, что Карл Маннгейм определял утопию как мышление, которое стимулируется не существующими

реалиями, а моделями и символами, становится ясно, что реалистический взгляд на утопию (в ее практическом приложении, уточним) оказывается все более важным и, нужно сказать, определяющим сейчас. Формулировка Маннгейма и характеризует суть христианской и классической утопии, которая опиралась на трансцендентные идеалы и апеллировала к высшей благодати, и выделяет нынешний технологический аспект утопии, в котором она из пространного описания вырождается в схематический чертеж.

Б. Гудвин замечает, также маркируя процесс объективации утопии и ее перехода в практическую плоскость, что «многие утописты прошлого не обладали ни серьезными знаниями, ни высокой культурой, их образ хорошего общества выражал просто жажду свободы, справедливости, демократии и притом в символической форме. Другие люди превращали их видения в теории и политические манифесты. Утопия – явление в принципе двухфазовое, но сегодня, в век академизма и экспериментов, мы забыли о первой фазе – утопической идее – и сосредоточились на второй – теоретизировании и политике»⁹.

В условиях экспансии капитализма и общества потребления научно-технологический прогресс стал все отчетливей оборачиваться своим реверсом: технологические инновации и глобализационные процессы способны значительно менять образ жизни людей, но не делать их счастливее. Более того, тот же Тоффлер был склонен считать вторую половину XX века не постиндустриальной, но «супериндустриальной» эпохой – главное ее отличие от индустриальной связывалось, по его мнению, не с материальными и

⁹ Там же. – С. 147.

⁶ Чаликова В.А. Утопия рождается из утопии: эссе разных лет / послесл. Г. Федорова. – London: Overseas publ. interchange, 1992.

⁷ Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. – М.: АСТ, 2010. – С. 570.

⁸ Мартынов Д.Е. Существовала ли в Китае утопия? // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 156.

постэкономическими критериями, а с дроблением ценностей, соответствующим процессу социальной дестандартизации и разукрупнения¹⁰. Эта дезинтеграция, как считает и Ф. Аинса, – свидетельство кризиса одной определенной утопической модели, ориентированной на изменение всего мира, т. е. утопии глобального и даже тоталитарного характера¹¹.

Растущий эгоистический антагонизм индивидов вновь отсылает к кантовскому состоянию «асоциальной социабельности» и усугубляет поляризацию дискурса идентичности. Вследствие этого снижается уверенность в возможности общественного консенсуса, назревает необходимость действовать исходя из конфликта ценностей между общественными группами.

Очевидно, именно поэтому появился термин «полнутопия», означающий такой проект социума, который объединит различные социальные системы. Как пишет Роберт Нозик, «те условия, которые мы хотели бы предписать обществам, претендующим на звание утопии, в сумме не согласуются друг с другом; невозможно совместить все общественные и политические блага и тем более поддерживать такую ситуацию»¹². Фиксируя такое «непостоянное» свойство человеческого состояния и называя его «достойным сожаления», Нозик, в отличие от многих других размышлявших над проблемой построения утопического общества, на ее констатации не останавливается. Он замечает, что ни один утопист не утверждает, будто в нарисованном им идеальном

обществе все ведут одинаковую жизнь и занимаются одинаковыми видами деятельности. Нозик переосмысливает понятие утопии и находит для нее свою формулировку, отчасти рекурсивно-парадоксальную: «Утопия – это рамка для утопий, место, где люди вольны добровольно объединяться, чтобы попытаться реализовать собственный идеал хорошей жизни в идеальном обществе, где, однако, никто не может навязать другим собственные представления об утопии»¹³. Таким образом, Нозик теоретически выводит утопию, состоящую из утопий, из множества различных неоднородных сообществ, в которых люди будут вести разный образ жизни в разных институциональных условиях.

Представляется вероятным, что это понятие, полнутопия, могло бы стать более корректным обозначением идеального общественного устройства. Поскольку содержание классической утопии, «одинаковой для всех», в супериндустриальном мире (социально и конфессионально стратифицированном) дефрагментируется, то более релевантной оказывается теперь идея «многоуровневой» утопии. В ее категориях общество теоретически подходит ближе к идеалу благодаря тому, что разные социальные группы инкорпорируются в различные образы жизни, с теми особенностями и характеристиками, которые подходят определенной группе людей, но не всем остальным.

Разработка социального содержания таких сообществ на практике, очевидно, должна увязываться с селективным отбором – извлечением наиболее удачных аспектов в уже организовавшихся сообществах, о чем говорит тот же Нозик. Любая группа людей с любыми убеждениями имеет право реализовать свое видение общества в его

¹⁰ Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. К. Бурмировой, Ю. Бурмировой и др. – М.: АСТ, 2008. – С. 31.

¹¹ Аинса Ф. Указ. соч. – С. 80.

¹² Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: ИРИСЭН, 2008. – С. 364.

¹³ Там же. – С. 378.

миниатюре и создать привлекательный образец. По мере улучшения (в соответствии со взглядами их членов) сообществ, в которых живут люди, идеи для новых сообществ также будут нередко улучшаться.

Датская Христиания – расплывчатый пример не утопии, но метафорически «полуутопичного» квартала, символ допущенной «инаковости» во внешне благополучной и благоустроенной столице Дании. Коммуна Христиания образовалась сорок лет назад и начиналась с того, что заброшенные после ухода военных казармы короля Кристиана в Копенгагене были заняты группой хиппи, приехавших на фестиваль, – сначала в качестве места для ночлега, а после – и для постоянного проживания. Со временем обрела границы обустроенная территория, появились водопровод и электричество, коммунары и власти согласовали взаимные уступки: первые приняли решение оплачивать коммунальные услуги и налоги, вторые на неопределенное время придали Христиании статус вольного города (и социального эксперимента). В Христиании проживают около тысячи человек, стать новым членом достаточно сложно (людей со стороны не принимают), поэтому численность населения относительно постоянна. В решении вопросов обращаются не к демократическому инструменту голосования, а приходят к консенсусу путем собраний и обсуждений. Немалая продолжительность (и незаконченность) этого социального эксперимента не позволяет давать ему однозначных оценок, тем более что буквально недавно, осенью прошлого года, датские власти неожиданно предоставили Христиании частичный суверенитет, то есть дали право населяющим ее людям выкупать землю по ценам ниже рыночных. Поэтому подводить итоги по существова-

нию и социальному опыту вольного города Христиании рано. Однако можно видеть амбивалентность социального порядка в Христиании: с одной стороны, коммунары обладают свободой рода занятий и досуга, открытостью отношений, употребления и продажи расширяющих сознание веществ (хотя существует запрет на тяжелые наркотики), с другой – показывают, что способны вести адекватный диалог с «внешней» властью, содержать себя и территорию вокруг.

Если Бауман освобождает утопическую мысль от обязательной объективации в виде эмпирического проекта (как ей долженствовало в эпоху Нового времени), оставляя ей право на исключительно умозрительное существование, то Александер поддерживает это избавление от утопического фундаментализма и дополняет его указанием на вновь набирающую силу идею гражданского общества. Этому гражданскому обществу, очевидно, имманентно в таком контексте большее критическое мышление, одновременно плюралистическое (лишенное фундаментализма и потому свободное) и самоограничительное (лишенное притязаний на тотальность, переключившееся на «ближний свет» и потому не скатывающееся к тоталитаризму). То есть сохраняется, если вспоминать Хабермаса, утопический горизонт гражданского общества, но самоорганизация в рамках этого общества и с неизменной ориентацией на этот горизонт становится гораздо более рациональной, она реалистически считается с наличными социокультурными и политическими факторами и исходит из них. Возникают небольшие, локальные течения в русле «гражданского ремонта», развивающиеся и вдохновляющиеся желанием внести демократическую корректуру

отношений в конкретную область, чтобы повысить ее совместимость со своими идеалами. На вышеприведенном примере договаривающегося с властью населения свободного города Христиании мы можем видеть современное оформление таких тенденций.

Похожей по статусу полуофициальной республикой внутри города можно назвать район Ужупис (Заречье) в Вильнюсе, но тот квартал носит большей частью богемный характер и не обладает многими факторами становления, которыми выделяется история последовательного развития Христиании.

К этой категории богемно-свободного коммунитаризма примыкают многочисленные сквоты, или артистические центры и жилые комплексы, облюбованные творческими личностями всех направлений. Среди известных – существующий более сотни лет «Улей» в Париже, Франция; «Леонкавалло» в Милане, Италия; недавно закрытый «Тахелес» в Берлине, Германия¹⁴.

Существует сегодня и особое «проутопическое» движение хиппи – Семья Радуги, не имеющее организационной структуры и стационарных коммун, но объединенное альтернативой современному потребительскому образу жизни и господству различных систем управления и средств массовой информации. Люди Радуги поддерживают традиционные общечеловеческие идеалы, практикуют ежегодные собрания, стараются не наносить вреда окружающей среде и видят в своем движении и социально-утопическую направленность, и позиционируют себя как катализатор эволюционных изменений.

¹⁴ См., напр.: Ерёмкина Д. Ушел в историю / Д. Ерёмкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/09/05/taches/>

Майкл Найман, автор основного исследования о происхождении и сути движения («People of the Rainbow: A Nomadic Utopia», 1997)¹⁵, уделяет пристальное внимание отличиям движения Радуги от утопических сообществ прошедших веков. Он объясняет факторы неуспеха, которые сработали у последних, и раскрывает причины уникальности Семьи Радуги, которые, по его мнению, позволят движению расти далее и достигать своих целей. Как пишет Найман, «у Семьи Радуги нет никакого постоянного поселения или земельной базы; никаких активов; никакой формальной организации, харизматического пророка, иерархии или определенного лидерства; Семья объединяет все религии и не имеет критериев по отбору, чтобы определить членство; она не требует никаких материальных вкладов или личной жертвы от новичков; не имеет никакой обязательной работы или требований; не поощряет, не препятствует и не пытается регулировать сексуальные отношения; не требует никакого идеологического преобразования, не пытается управлять воспитанием детей. По всем этим признакам, с учетом исторических прецедентов, Семья должна была прийти в упадок вскоре после возникновения в начале 1970-х. В отличие от утопий, боровшихся за порядок и сознательное планирование, радужные люди процветают в собственном связанном виде хаоса»¹⁶.

Таким образом, отсутствие централизованного управления и реализация принципа «слияния–расщепления» – те особен-

¹⁵ <http://archive.org/details/peopleofrainbown00nimarich>

¹⁶ Nyman M. People of the Rainbow: A Nomadic Utopia. – Tennessee: University of Tennessee Press, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.org/details/peopleofrainbown00nimarich>

ности движения людей Радуги, которые их исследователь Найман считает преимуществами и залогом дальнейшего успешного развития. Движение Радуги также выражает наиболее иллюстративное отсутствие привязки к географическому топосу – об этой черте нового «текучего» утопизма тоже говорит Бауман.

Здесь отметим, что те формы утопических идеалов, которые перешли на стадию попыток проведения их в жизнь, как правило, объединяются в общую группу «социальных проектов / экспериментов», без жанровой соотнесенности, даже если предпринимались попытки буквально перенести в жизнь какое-либо литературное утопическое произведение (в истории человечества были и «икарийцы», и фурьеристы, и «бихевиористы-скиннеровцы», к примеру). Самые распространенные самоназвания в этой группе – община, коммуна, сообщество; отдельные уникальные «артикулы» типа описанной выше Семьи Радуги. И почти не было попыток довести социально-утопический эксперимент хотя бы до масштабов города. Среди редких и неполных исключений – попытки создать «город солнца» иезуитами в Парагвае (XVI в.), Пульман-таун (США, штат Иллинойс) конца XIX в., основанный в 1968 г. и существующий поныне Ауровиль (Индия). Также с учетом реалий сегодняшнего дня можно выделить города с экологической линией развития, но об этом речь пойдет позже.

Все же, что касается степени применимости утопии, самым характерным знаком времени в этом смысле является перенос упора с идеального общества на идеальную среду – количественно и качественно это направление выглядит более насущным (практопическим) и опять же осуществи-

мым. Этим замечанием мы отнюдь не отказываем архитекторам прошлого в признании их попыток проектирования в этом направлении – чертежей идеальных городов всегда доставало, начиная со Сфорцинды, первого звездообразного города Ренессанса (этот проект создал Антонио Филарете в 1465 г.)¹⁷. Особенность же современного отношения к проектированию идеальной среды такова, что время отшелушило его от «тотализующего» (термин Дж. Александера¹⁸) романтического флера Просвещения: возвышенная цель превратилась в необходимость упорядочивания, надежда – в стремление к надежности и прагматичности, ожидание лучшего будущего – в подспудное желание не представлять себе будущее слишком подробно, даже слегка затормозить его. Как пишет Бауман, «с почти полной утратой надежд на упорядоченный, прозрачный и предсказуемый идеальный город, утопическая тоска по глубоко человеческой среде обитания, которая сочетала бы в себе интригующее разнообразие с безопасностью, не ставя под угрозу ни один из этих необходимых компонентов счастья, перетекла на меньшие и потому более достижимые и реалистичные цели»¹⁹.

Поэтому мы полагаем, что не будет ошибкой сказать, что если практопия – это образ рационализаторского мышления с утопическим началом, то экоутопия, экологическая утопия – актуальный магистральный предмет этого мышления. Фундаментальные факторы, обеспечивающие ее осуществление, концентриру-

¹⁷ См., напр.: Гутнов А.Э. Мир архитектуры: Лицо города / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.

¹⁸ Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 3.

¹⁹ Бауман З. Указ. соч. – С. 19.

ются в сферах архитектуры, устойчивого развития, сохранения энергии, создания визуального и функционального удобства. В случае концентрации на точечных задачах, создания цепочек тонких, но широко распространенных мини-утопий идея абстрактного «лучшего» претерпевает гораздо меньше болезненных столкновений с реальностью. Но по-прежнему не деться никуда от амбивалентности: эта реальность, взаимодействуя с традиционной идеей «большой утопии», может войти с ней в острый конфликт, а может и свестись к формальному (то есть нерешаемому пока) вопросу организации и упорядочения вышеупомянутых мини-утопических элементов, дабы их системная синтропия вывела, наконец, на дорогу той самой всеобщей утопии.

Возникновение новых форм утопии задается напряжением между реальной действительностью и парадигмой будущего. Поэтому можно зафиксировать отчетливую хронотопическую разницу между «природной утопией» прошлых веков, понимавшейся в контексте обращения человека к «жизни в лесу», избавления от избыточных общественных потребностей и созерцательного самопознания (как декларировал Г. Торо в своем классическом «естественном» «Уолдене»), и современной экоутопии с ее мотивом к сохранению устойчивости системы. Последний, очевидно, сопряжен с проблемами устойчивого развития и пресловутыми «пределами роста», о которых предупреждал Римский клуб в 1972 году.

Именно усиление экологической проблематики способствовало возвращению популярности вышеупомянутой книге Торо спустя век после ее написания. Однако «природная утопия», ответвление уто-

пической мысли в ее общем диапазоне незначительное, но важное для маркировки нового поворота к психосоциальному обновлению, имеет существенный идейный разрыв с экологической утопией в приложении к XX веку. Предполагается уже не столько обновление человека на лоне природы, не смена жизненного уклада и через это душевного состояния, сколько облегчение жизни в городе, создание неких условий «незаметного комфорта», которые не будут напоминать о существующих мировых проблемах и вместе с тем станут так или иначе решать эти проблемы. А в отдельных, избранных, случаях – становятся экологической практикой личного спасения.

Литературным примером, привносящим фактор неизбежности, становится «Экотопия» Эрнеста Калленбаха, вышедшая в 1975 г. Действие в романе происходит в 1999 г. в независимом государстве Экотопия, которое образовалось на месте нынешних американских штатов Калифорния, Вашингтон и Аризона, отделившихся от основной территории США. В то время как остальные страдают от разгула насилия и загрязнения окружающей среды, Экотопия процветает благодаря разумной экологической политике, выдержанной в предельно антитехнократическом духе. Экопийцы с любовью относятся к земле, животным, растениям, они вернулись к естественной жизни, за что природа благодарит их сторицей. У них в изобилии овощи, зерно, мясо; многочисленные стада животных, пасущихся на плодородных лугах, радуют глаз. Снова в почете ремесло ковбоя. Страна покрылась лесами, которые дарят бодрость и здоровье, а заодно и древесину, которая уверенно вытеснила алюминий и пластик.

В этой утопии наблюдается тема возвращения к природе, к корням: глядя на окружающий мир, экотопийцы «испытывают такое ощущение, какое должны были испытывать индейцы – ощущение, что и лошадь, и вигвам, и лук, и стрела органически вырастают, как и сам человек, из природы»²⁰. Но, с другой стороны, не обходится без перекосов, начиная с разительного противопоставления неблагополучной части страны и заканчивая радикализацией описания естественных занятий, доводящей едва ли не до примитивизма. К примеру, экотопийцы убеждены, что жизнь человека должна быть наполнена только естественными звуками, к которым причисляются шаги человека, шум ветра, плач ребенка.

Современная же экоутопическая тенденция в практическом применении, как мы уже упомянули, отнюдь не отказывается от механических инструментов прогресса и апологизирует функциональность. Ваубан – пригород немецкого города Фрайбурга, «мир без машин», едва ли не самый известный «зеленый» социальный эксперимент. Автомобили в 5,5-тысячном Ваубане находятся под относительным запретом и допускаются только при большом налоге (поэтому на тысячу жителей приходится примерно 200 машин), хотя существует общественный транспорт. Энергоснабжение в «энвайронменталистском раю» обеспечивается исключительно солнечными батареями.

Такие уже существующие экосоциальные эксперименты могут создавать прецеденты мини-утопических цепочек взаимодействий, о которых мы говорили выше. Кроме того, поднимается вопрос, зависит ли мера разумности людей в социальной

жизни от их общего перевоспитания либо же от активизации их участия в окружающей среде. Другими словами, снова возникает методологическая проблема: вероятно ли изменить сознание людей постепенным повышением чувства ответственности и уровня понимания или же мы снова остаемся с пока тупиковой «возможно-невозможной» теорией коренного преобразования.

Еще более экологически чистым предлагается быть проекту, который воплощается в жизнь сейчас в Объединенных Арабских Эмиратах, – Масдар-Сити («масдар» в переводе с арабского – источник)²¹. Город возводится неподалеку от Абу-Даби на шести квадратных километрах, рассчитывается примерно на 40 тыс. человек населения и будет стремиться к стопроцентной экологичности, поэтому на сегодняшний день это самая продвинутая в мире экологическая практопия. Цель постройки Масдар-Сити – безотходная и с нулевыми выбросами углерода база для жизни и бизнеса, превращение в мировой флагман возобновляемой энергии и экологически чистых технологий.

Но как бы то ни было, важным объединяющим признаком нынешних проектов, соединяющих в себе черты практопии и экоутопии, является то, что не всегда откровенно, но признается существующий «сбой в экосистеме» планеты. И потому наряду со стремлением к улучшению присутствует некая конечная интонация, даже элемент обреченности. Это заметно по самой концепции экоутопических проектов как спасительных островных топосов посреди грозящего разрушиться мира.

²¹ Masdar City: Beacon in the Desert, Glimpse into the Future [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecoearth.com/eco-blogs/international/1693-masdar-city.html>

Однако утопическое способно возрасти из фрагментарных наметок будущих концепций или даже на руинах рухнувших систем; изменяемость и изменчивость нашего «сегодня» расширяют и пространство вариантов нашего «завтра». Румынский поэт и мыслитель Эмиль Чоран подметил, что «два жанра, утопический и апокалиптический, казавшиеся нам противоположными, – ныне взаимопроникают и смешиваются, образуя третий, более подходящий в качестве отражения нынешней реальности, которая пугает нас»²².

Наблюдению Чорана аккомпанировало бы размышление Маннгейма о том, что изъятие утопического элемента из образа мыслей человека придаст совершенно иной, новый характер изменению его природы и всего развития человечества, – если бы Маннгейм не продолжил это размышление и не указал, что исчезновение утопии превратит мир в статичную вещьность, в условиях которой сам человек окажется не более чем вещью²³.

Надо сказать, мало за кем можно признать ту же аналитическую убедительность, присущую утопическим выкладкам Карла Маннгейма в его попытке ответить на вопрос, откуда идет утопия, куда идет и не уйдет ли вскорости. По достижении высшей ступени сознательности восприятия, пишет он, когда история все менее приравнивается к слепому року и все более становится собственно творением человеческим, отказ от утопии окажется для человека потерей воли создавать историю и способно-

сти понимать ее и устанавливать связь между утопией и видением исторического времени. И тем паче, разумеется, ни намек не будет в «безутопийной реальности» и на социальное конструирование.

«Утопия нашего времени будет исходить из разнообразия мира, – некоторым образом обобщает Ф. Аннса, – из движения, характерного для современных кочевых социумов, из принципа нестабильности – ведь она неразрывно связана со свободой выбора, подразумевает сомнение в общепринятых понятиях и в павловских рефлексах, ежедневно напоминает о том, что творческий акт свершается между светом и тьмою, в голове “человека, балансирующего на карнизе”»²⁴. Но прежде всего, как и раньше, она должна рождаться из неудовлетворенности миром и быть источником непрерывного мятежа.

Литература

Аннса Ф. Реконструкция утопии: эссе / Ф. Аннса; предисл. Ф. Майора; пер. с франц. Е. Гречаной, И. Стаф. – М.: Наследие, 1999. – 207 с.

Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт / Дж. Александр // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 3–11.

Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. – 320 с.

Бауман З. Город страхов, город надежд / З. Бауман // Логос. – 2008. – № 3. – С. 24–53.

Маннгейм К. Диагноз нашего времени: сборник; пер. с нем. и англ. / К. Маннгейм. – М.: Юрист, 1994. – 693 с.

Мартынов Д.Е. Существовала ли в Китае утопия? / Д.Е. Мартынов // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 150–160.

Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства

²² Jacobsen M. From Solid Modern Utopia to Liquid Modern Anti-Utopia? Tracing the Utopian Strand in the Sociology of Zygmunt Bauman // Utopian Studies. – 2004. – Vol. 15, No. 1. – P. 83.

²³ Маннгейм К. Диагноз нашего времени : сборник; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – С. 219.

²⁴ Аннса Ф. Указ. соч. – С. 11.

- и о новом острове Утопия / Т. Мор; пер. с лат. А. Маленна, Ф. Петровского // Утопический роман XVI–XVII веков. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 41.
- Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / Р. Нозик; пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
- Осиновский И.Н.* Томас Мор и его Утопия. Вступительная статья // Т. Мор. Утопия / И.Н. Осиновский; пер с лат. Ю.М. Каган. – М.: Наука, 1978. – С. 12.
- Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
- Тоффлер Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. К. Бурмистрова, Ю. Бурмистровой и др. – М.: АСТ, 2008.
- Чаликова В.А.* Утопия рождается из утопии: эссе разных лет / В.А. Чаликова; послесл. Г. Федорова. – London: Overseas publ. interchange, 1992. – 216 с.
- Callenbach E.* Ecotopia. The Notebooks and Reports of William Weston / E. Callenbach. – N.Y.; Toronto, 1977.
- Jacobsen M.* From Solid Modern Utopia to Liquid Modern Anti-Utopia? Tracing the Utopian Strand in the Sociology of Zygmunt Bauman / M. Jacobsen // Utopian Studies. – 2004. – Vol. 15, No. 1. – P. 63–87.
- Scheel L.M.* Book Review: Ecotopia (by Ernest Callenbach) / L.M. Scheel // Newsletter. Section 3. – 1989. – № 75.
- Utopias* / P. Alexander, R. Gill, etc. – London, 1984.
- Бражников И.* Утопия и апокалипсис / И. Бражников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reuting_09/material_sofiy/8733-utopiya-i-apokalipsis.html
- Christiania.* facts and history [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spirehuset.net/christiania-facts-and-history>
- Masdar City: Beacon in the Desert, Glimpse into the Future* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecoearth.com/eco-blogs/eco-international/1693-masdar-city.html>
- Nyman M.* People of the Rainbow: A Nomadic Utopia / M. Nyman. – Tennessee: University of Tennessee Press, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.org/details/peopleofrainbown00nimarich>
- Vauban* – a green utopia? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/politics_show/7449006.stm